
Дмитрий ТАРАСОВ

МОЙ ЗНАКОМЫЙ УБИЙЦА

Рассказ

В тот магазин неподалеку от Невского я зашел без какой-либо цели. Пройтись, поглазеть на витрины...

В зале, где продавали кинофильмы и компьютерные игрушки, я не задержался и перешел в соседний музыкальный отдел. С вялым любопытством глядя на корешки дисков, я медленно вышагивал между стеллажами — и тут нос к носу столкнулся с Борькой Кузнецовым.

— Сколько же лет мы не виделись? — в просторном помещении магазина его голос прозвучал гулко и радостно.

Действительно, сколько мы не виделись? Лет семь, пожалуй. Работали раньше на одном предприятии, не то чтобы дружили, но общались довольно близко. Оба были инженерами, только я занимался радиотехникой, а Борька руководил отделом телефонной связи. Он был отличным специалистом и частенько помогал мне, бездарному, по правде сказать, инженеру.

Предприятие наше умирало, медленно и мучительно умирало; мы все знали, что рано или поздно ему придет конец, и в глубине души желали, чтобы это случилось как можно скорее; нет ничего хуже, чем присутствовать при затянувшейся и безнадежной болезни, когда начинаешь проклинать и больного, и свою привязанность к нему. Вопреки нашим прогнозам, предприятие агонизировало долго: закроют один отдел, другой, третий, но всегда оставалось что-то, что продолжало худо-бедно работать — и туда, в эти оазисы производства, устремлялись тотчас лучшие инженерные силы.

Проще всего было бы уволиться, но время — середина девяностых годов — стояло тревожное, злое; достойной работы, если, конечно, не считать за таковую торговлю в ларьках, было не найти; вот и приходилось светлым головам, вроде Борьки, прозябать на заводах и фабриках, где им в лучшем случае не давали умереть с голоду. А у Борьки, между прочим, семья была — жена и ребенок, — и ютились они у тещи в однокомнатной квартире где-то в районе Советских улиц.

Имелась, правда, еще комната в коммуналке возле метро «Автово» — огромная, почти тридцатиметровая комната, — но жить там с семьей из-за пьяницы соседа было невозможно. Хотя, с другой стороны, надолго оставлять комнату без присмотра тоже было нельзя: сосед, по словам Борьки, только того и ждал, чтобы

Дмитрий Михайлович Тарасов родился в 1965 году в Ленинграде. Окончил Электротехнический институт имени М. А. Бонч-Бруевича. Работал инженером, экскурсоводом, сейчас работает редактором в телекомпании «Петербургское телевидение». Публиковался в журналах «Нева», «Звезда», «Новая Юность», «Сибирские огни», «Крещатик», «Северная Аврора» и других. Рассказы переводились на сербский язык. В 2015 году в издательстве «Лики России» вышел в свет роман «Пятый Собор». Член Союза писателей России с 2011 года.

взломать замок, вынести все вещи и продать их на ближайшей барахолке. Приятелю моему ничего не оставалось, как постоянно мотаться из коммуналки на Советские улицы, и, понятное дело, такая жизнь порой приводила его в отчаяние. Старался он исключительно ради семьи, поскольку ему самому требовалось немного — стол со стулом да проигрыватель с наушниками. Вообще, меня всегда восхищала та забота, с которой Борька относился к своим домочадцам; даже в разговорах он очень редко говорил «я», зато постоянно «мы», «у нас».

Сидя на работе в курилке под лестницей, мы с Борькой обсуждали все на свете — и наше плачевное положение, и мои долги, и его проблемы с жильем. От тех разговоров и вообще от того времени осталось у меня ощущение безысходности. Нет работы, нет денег, дни следуют друг за другом — тяжелые, хмурые, без надежд на улучшение, — а мы дышим сигаретами, беседуем, словно хотим заговорить свои несчастья...

При первой возможности, когда знакомые нашли мне хорошо оплачиваемое место, я с предприятия уволился, и с тех пор, как обычно и бывает в подобных случаях, жизнь развела нас с Борькой в разные стороны. Поначалу, пока еще были свежи воспоминания о совместной работе, мы созванивались, но разговоры получались трудные, с мучительными для нас обоих паузами, так что вскоре общение само собою прекратилось...

И вот я неожиданно встречаю Борьку в музыкальном магазине, и он стоит передо мной, улыбается, и щурит глаза от слишком яркого света, и слегка качает головой — мол, как же мы могли забыть друг о друге...

По всему видно, что нашей встрече он очень рад. В нем почти ничего не изменилось: такой же добрый взгляд, тот же чуть торопящийся голос, те же мягкие усы и борода, разве что седины прибавилось. Глядя на него, никогда не подумаешь, что он инженер, скорее его можно принять за писателя или художника, причем есть в его лице что-то стародавнее, как на фотографиях девятнадцатого века. Если бы я не знал Борькиных родителей, простых рабочих, я не сомневался бы ни секунды, что он происходит из какого-нибудь княжеского рода.

С аристократической Борькиной внешностью, пусть и не связанной с его родословной, очень хорошо сочеталось его увлечение: он страстно любил музыку, причем музыку серьезную, симфоническую, хотя мог послушать и джаз, и классический рок-н-ролл. Еще в советские времена он начал собирать грампластинки, ездил по всяким подпольным рынкам, общался со спекулянтами, а позже, когда в свободной продаже появились кассеты и диски, он стал частым гостем в музыкальных магазинах. Поэтому если уж суждено нам было где-нибудь встретиться, то именно между стеллажами с музыкальным товаром.

Борька остался верен себе — купил три диска — и теперь шел, перебирая их в руках; у меня было время разглядеть его покупки: «Симфония Малера № 5»; «Саксофонист Стен Гетц»; «Стив Вэй, рок-музыкант». Мне ничего не говорили ни эти фамилии, ни музыкальные термины, которыми Борька пересыпал свою речь, тем не менее, когда он говорил о музыке, слушать его всегда было интересно.

Незаметно мы подошли к метро «Владимирская», и тут я прервал Борьку:

— Ты сейчас куда?

— Домой.

Памятуя о том, что у Борьки два дома, я переспросил:

— На Советские, что ли?

— Почему? — удивился он. — В Автово поеду, к семье.

— Так ты с семьей живешь *там*?!

Борька посмотрел на меня внимательно, а затем рассмеялся:

— Забыл, ты ведь ничего не знаешь, — и вдруг с воодушевлением предложил: — Поехали прямо сейчас к нам, посмотришь, как мы устроились!

В его коммунальной квартире я однажды уже бывал — незадолго до моего увольнения Борька пригласил меня в гости.

Поехали мы тогда сразу после работы. Когда вышли из метро, был уже вечер, правда, совсем светлый, майский.

Дом, где жил Борька, стоял как раз напротив метро «Автово» — большое серое здание сталинской эпохи, с множеством балкончиков, изгибов и углов, а также всяческой советской символики вдоль фасада. Выглядел дом сколь мрачно, столь и величественно. На лифте мы поднялись на четвертый этаж, открыли входную дверь, и в нос мне сейчас же ударил кисловатый запах, какой бывает возле помоек.

— Здесь и есть помойка, — сказал Борька и продолжил: — Разденешься у меня в комнате, а то узколобый Олежка запросто может вещи украсть.

Своего соседа Борька почему-то называл ласково — Олежка — и неизменно добавлял к его имени какой-нибудь хлесткий эпитет.

В огромной светлой комнате сразу бросалось в глаза почти полное отсутствие мебели; справа от двери стоял ветхий шкаф, в дальнем углу — стол и возле него пара стульев с облезлой лакировкой; все остальное пространство занимали книги, сложенные пачками вдоль стен, кассеты и диски.

— Понимаешь, — объяснял Борька, — из-за придурка Олежки тут нельзя держать ничего ценного.

— Где же ты спишь? — спросил я, поскольку не заметил кровати.

— Вот здесь, — Борька указал на прислоненную к стене лежанку. — Откидывается легко, а главное, места не занимает. Живу, сам видишь, как аскет, — добавил он, улыбнувшись.

Действительно, в его жилище царил спартанский дух, и, как у истинного спартанца, у него имелись приспособления для физических упражнений: велотренажер, перекладина в проеме дверей и целый комплект гантелей и гирь. Создавалось впечатление, что в комнате обитает холостяк, хотя, по существу, так оно и было, ведь Борька никогда не привозил сюда семью.

— У нас дом хороший, — рассказывал Борька. — И место престижное. Сейчас почти во всех квартирах «новые русские» живут — купили коммуналку, сделали евроремонт, а прежних жильцов переселили куда-нибудь в новостройки. Нам уже много раз такое предложение делали, но недоумок Олежка категорически против. Ему, видите ли, в другом месте жить не хочется, потому что здесь у него все родное: помойки, ларьки, собутельники.

— А как же его жена? — поинтересовался я. — Ведь женщины в таких вопросах куда практичнее.

— Люся пыталась его убедить, даже через дочку действовала, которую он якобы очень любит, — да все без толку.

— Любопытно, какая у этого Олежки жена?..

— Люся-то? Хитрая и глупая хохлушка. Считает себя очень хозяйственной женщиной, хотя ее хваленая хозяйственность проявляется только в том, что она всякую дрянь с улицы тянет в дом. Между прочим, именно она кретину Олежке привила вкус рыться по помойкам, и у них теперь что-то вроде соревнования — кто больше вещей насобирает. Люся еще с работы тащит — она в аэропорту уборщицей, — и там у них всегда есть чем поживиться.

Пока мы разговаривали, Борька все время был в движении: то крутил педали тренажера, то подтягивался, то поднимал над головой гирию. Впрочем, на мои вопро-

сы он отвечал без задержки и не выглядел запыхавшимся, — видно, сказывалась постоянная тренировка.

Чуть позже, когда мне захотелось в туалет, Борька вышел вместе со мной из комнаты и устроил нечто вроде экскурсии по квартире.

— Тут, — говорил он, показывая на дверь напротив, — Люся живет с дочерью. Они, в общем-то, за порядком следят, Олежку к себе не пускают, иначе он бы вмиг все загадил. Сейчас их нет, поехали к какой-то родственнице в деревню. Продуктов привезут, вина для Олежки...

Мы проследовали в конец коридора, где Борька остановился и продолжил:

— За этой дверью и находится логово злодея.

Дверь была грубая, выкрашенная в грязно-белый цвет и сверху донизу истыканная то ли ножом, то ли отверткой. Там, где обыкновенно располагается замок, зияла рваная дыра, которую, по всей видимости, использовали взамен ручки. Дверь была приоткрыта; похоже, из-за ржавых петель она вообще не закрывалась.

— Олежка дома? — спросил я.

— Либо пьет с друзьями на улице, либо уже залег в своей конуре. Сейчас проверим.

С некоторой опаской и брезгливостью я вошел в комнату вслед за Борькой — и встал на пороге как вкопанный. Хотя я и был подготовлен к чему-то ужасному, то, что я увидел, превзошло все мои ожидания. Бог мой, вся комната была завалена полиэтиленовыми пакетами! Если около двери их было не так много, то по мере продвижения в глубь комнаты из пакетов вырастала огромная куча, у дальней стены достигавшая потолка. Мне сразу стало ясно, что источник зловония находится именно в этой комнате. Чтобы не задохнуться, я зажал нос, и даже привычный к здешним запахам Борька сильно поморщился и не пошел дальше порога.

— Вот он, Олежка поганый, лежит во всей красе, — сказал Борька и ткнул пальцем куда-то в сторону свалки.

— Где? — не сообразил я.

Моя растерянность объяснялась просто: разноцветные Олежкины лохмотья настолько сливались с заполнявшим комнату хламом, что сам он почти ничем не отличался от полиэтиленового пакета. Приглядевшись, я увидел скрюченное человеческое тельце; именно тельце, потому что Олежка был маленького роста, худой, с плешивой головой и тоненькой шеей. Честно говоря, он вызывал отвращение вперемежку с жалостью, а вовсе не те злые чувства, которые питал к нему мой товарищ.

— Он что, всегда *так* спит?... — при виде спящего человека я непроизвольно понизил голос до шепота.

— Иногда добирается до своей тахты, — ответил Борька. — Она у него за этой кучей стоит, у окна. А когда сильно выпьет, как сегодня, то валится где попало.

Большая черная муха, видимо потревоженная нашим разговором, с густым жужжанием поднялась к потолку и, покружив, уселась на самую вершину свалки. «Да, здесь ее владения», — подумал я, глядя, как муха в царственной неподвижности застыла на своем мусорном троне.

— Так бы и свернул его цыплячью шейку, — выругался Борька, едва мы вернулись в коридор. — Хотя, знаешь... — он чуть помедлил. — Как подумаю, какая у него беспросветная жизнь, так даже сочувствовать начинаю. Но это только, когда он трезвый, а когда выпьет... Ей-богу, свернул бы шею!

Затем Борька отворил дверь на кухню и коротко сказал:

— Смотри!

Картина и впрямь открывалась удивительная: на полу валялись такие же, как и в комнате, полиэтиленовые пакеты, меж которыми шли две узкие тропки — к ра-

ковине и газовой плите; оконное стекло было разбито, и оттуда, из треугольной дыры, веяло вкрадчивым холодком.

Я начал рассуждать в том смысле, что одно дело — комната, частная собственность, и совсем другое — кухня, место общего пользования, — но вскоре сбился, от возмущения не находя слов, и, чтобы хоть как-то закончить, спросил:

— Как ты *здесь* готовишь?

— Да я на кухню вообще не захожу. Купил микроволновку и готовлю в комнате.

— Что он хранит во всех этих пакетах? — продолжал приставать я.

— Легче сказать, чего он в них не хранит, — отшучивался Борька. — Если бы решили устроить выставку, где были бы представлены вещи, изготовленные человечеством с первых дней своего существования, то основой для такой выставки вполне могла бы послужить коллекция уroda Олежки.

— И все-таки что там? — не унимался я.

— Ну, хорошо, — сказал Борька таким тоном, словно бы предупреждал: ты сам напросился. — Старые газеты, подсвечники, радиодетали, ржавые чайники, батареи, цветные металлы, примусы, разные склянки, сандалии и ботинки, щипцы и напильники, чашки и блюда...

Борька так увлекся, что, даже вернувшись в комнату, без конца говорил про всякие ведра и печатные машинки из Олежкиных запасов. Вдруг он прервал себя:

— Ты же собирался в туалет...

Я ответил, что расхотел, хотя на самом деле, едва выйдя на улицу, сразу же бросился к платным кабинкам, которые, будучи далеко не образцом чистоты, выглядели все-таки гораздо лучше, чем туалет в Борькиной коммунальной квартире.

И вот по прошествии многих лет Борька снова приглашает меня в гости. Признаюсь, моим первым желанием было отказать, уж больно запомнился мне предыдущий визит. Борька, однако, проявил настойчивость, да и мне, сказать по правде, очень хотелось посидеть с ним и вспомнить наши безрадостные и оттого такие памятные дни.

По дороге Борька рассказывал, что после моего увольнения он проработал на предприятии года два — по-прежнему без надежд и денег, — а потом ему удалось устроиться в салон мобильной связи, которые в то время стали едва ли не главной городской приметой. Благодаря своим недюжинным способностям, в коих я ни секунды не сомневался, Борька довольно быстро сделал карьеру и теперь работал в центральном офисе фирмы, был ведущим инженером. Из нашего бедного прошлого было не разглядеть ни сегодняшних успехов, ни сегодняшнего благополучия, — тем приятнее становилось мне при мысли, что у Борьки все так удачно сложилось, что он занимается любимым делом.

Борька отпер дверь, и я не без робости переступил порог квартиры. Вонь, грязь, пьяные соседи, пакеты с разным хламом?.. — ничего подобного, кругом чистота, новые обои на стенах, новая люстра под потолком, даже паркет и тот новый. Откуда? Что за чудеса? Борька лишь загадочно улыбался, ему, похоже, доставляло удовольствие наблюдать за моей растерянностью.

— Добрый вечер, Боря, — из комнаты, где прежде жила Люся с дочерью, вышла аккуратная старушка со сморщенным личиком. — Ты ужинать будешь?

Коротко переговорив со старушкой, Борька объяснил мне ситуацию:

— Тещу тоже сюда перевезли. И нам удобно, и ей хорошо, все не в одиночестве жить. А квартиру на Советских мы сдаем одному знакомому.

Я поинтересовался:

— А где твои?

— Жена в отпуске, на юге, сын на каникулах, так что я сейчас, можно сказать, один.

Борькину комнату было не узнать. Все блага евроремонта, начиная от евро-розеток и заканчивая натяжным европотолком, сосредоточились на тридцати квадратных метрах площади и придавали комнате вид ухоженный, но и несколько казенный. словно счастливый новосел, Борька подробно объяснял мне, почему выбрали именно такую расцветку обоев, и каким образом перестилали полы, и как вся семья, пока шел ремонт, жила в однокомнатной квартире у тещи, а он то и дело надевался сюда — проверял, вносил исправления.

Слушая, я не переставал думать о том, куда же делся Олежка со своим горемычным семейством. Когда я спросил об этом Борьку, то он, прежде такой словоохотливый, вдруг замолчал, а потом с явной неохотой ответил:

— Нет уже Олежки. Нет. А семья его где-то в Купчине теперь живет. Мы им деньги на квартиру дали, чтобы они съехали отсюда.

— Что значит — его нет? — не сообразил я.

— Умер он, вот что это значит, — уже раздраженно сказал Борька и тут же перевел разговор на другое: — Чтобы Люсе заплатить, мне пришлось кредит взять в банке, иначе денег не хватало. До сих пор проценты еще выплачиваю.

Мне показалось неудобным продолжать расспрашивать об Олежке, раз эта тема была Борьке чем-то неприятна, и он, правда, уже без прежнего рвения вернулся к разговору о розетках и обоях.

Потом мы сидели на кухне — где, как и в комнате, все было по-новому, блестяло и сияло, — распивали бутылку вина, которую купили по дороге, и Борька вдруг предложил:

— Пойдем в комнату сына. Посмотришь, как там сейчас стало.

Бывшее Олежкино жилище, куда он приползал, как зверь в свое логово, и где держал несметные сокровища отбросов, теперь было превращено в подобие радиотехнического магазина, сплошь уставленного аппаратурой — от компьютера до киноцентра. Сын Борьки пребывал в том бездарном возрасте, когда смысл существования определяется лишь количеством и совершенством технических игрушек.

Мы покурили на балконе, — которого я в прошлый раз попросту не заметил, настолько плотно повсюду лежали полиэтиленовые пакеты, — а когда вернулись в комнату, Борька вставил в проигрыватель диск, купленный сегодня в магазине. Полилась музыка — и мгновенно все вокруг изменилось до неузнаваемости...

Даже на меня, человека от музыки далекого, звучание саксофона произвело сильнейшее впечатление, подобное гипнозу, словно я очутился в речном потоке и течение уносит меня все дальше и дальше, — что уж говорить про Борьку с его тонким и глубоким пониманием музыки. Мне казалось, что в те минуты ему открылся весь мир, и он, как малая его часть, растворился без остатка, растворился в мощном и несколько хрипловатом голосе саксофона.

Сидя на угловом диване, мы слушали одну за другой композиции Стена Гетца. Его музыка как будто вливалась в нашу кровь, и в какой-то момент — думаю, под воздействием вина и джаза, которые, соединяясь в нас, создавали особое, доверительное настроение — Борька начал говорить, и голос его звучал тихо, проникновенно, словно он импровизировал, прислушиваясь к музыке, к себе, к своим воспоминаниям. Наверно, его слова и были импровизацией; наверно, он говорил то, что изначально говорить не собирался...

— На месте этого дивана раньше стояла Олежкина тахта. Именно на ней мы сидели в тот вечер...

И дальше Борька рассказал, что он был близок к отчаянию: на работе не платят, семья живет в однокомнатной квартире у тещи, он почти не видит ни жены, ни

сына, а тут еще этот Олежка, который ни за что не хочет менять квартиру. Кругом пакеты с помойки, воняет, шагу не ступить, чтобы не влезть в какую-нибудь гадость. Вдобавок Олежка, чего раньше никогда не делал, стал приводить в дом своих друзей, и те устраивали в его комнате буйные попойки. Однажды развели костер прямо на полу, и быть бы пожару, не окажись Борьки дома. Его терпению пришел конец, когда компания Олежки все-таки взломала замок и вынесла из комнаты вещи. Он мог бы простить и украденный велотренажер, и посуду, и микроволновку, но вот простить диски с музыкальными записями он не мог...

Жаловаться на Олежку в милицию или жилконтору, как показывал предыдущий опыт, не имело смысла; бить Олежке морду — глупо, ведь ему и так били морду едва ли не каждый день. Что было делать? Борька отважился на последний и решительный разговор с Олежкой, уповая на слово, как истинный русский интеллигент, гораздо больше, чем оно того заслуживает. Купив бутылку водки, ибо разговор без бутылки был с Олежкой невозможен, он пришел в его логово.

Олежка в тот вечер уже успел где-то нализаться и пребывал, казалось, в хорошем настроении. Как всякому алкоголику, ему достаточно было выпить совсем немного, чтобы язык у него начинал заплетаться. На Борьку, наоборот, алкоголь почти не действовал; я убеждался в этом многократно на разнообразных застольях, которые время от времени устраивались на нашем предприятии.

Слушая Борьку, Олежка согласно кивал, ни с чем не спорил. Однако сговорчив он был лишь до тех пор, пока не кончилась водка. Затем он развалился на тахте и с наглой ухмылкой заявил: «Все, что ты сейчас говоришь, мне до фени. Как пил, так и буду. Ты мне не отец и не брат, чтобы меня учить. Хочешь, жалуйся в милицию или к управдому иди. И вещей твоих я не брал. Ты что, за руку меня схватил?»

Некоторое время Борька сидел совершенно неподвижно, устремив взгляд куда-то за окно, прежде чем громкий Олежкин голос не вернул его к действительности: «Эй, ты че, офигел совсем? Застыл, как истукан». Тогда Борька быстро встал и, пробираясь по кучам хлама, направился к двери. Олежка крикнул вдогонку: «В ментовку, что ли, побежал? Давай-давай, тебя там ждут не дождутся». Не оборачиваясь, Борька ответил: «Я в магазин. Скоро вернусь».

Олежка встретил его не слишком любезно: «Тебя только за смертью посылать. Купил?» Но глядя, как Борька вынимает из пакета одну за другой водочные бутылки, он пришел в бурный восторг: «Ничего себе! Два литра! Может быть, позвать кого-нибудь?..» Борька отрезал: «Сидеть будем вдвоем. Никаких собутыльников».

О чем думал в тот момент Борька? Вполне возможно, злость вообще лишила его способности мыслить. Хотя, быть может, мысль его, помимо его воли, отправилась по самому простому и страшному маршруту: четыре бутылки, смертный приговор для здорового мужика, не то что для этого хлипкого алкоголика; четыре бутылки, нет более естественной и легкой смерти для пьяницы, чем смерть от передозировки...

Невосприимчивость к спиртному и злоба придавали Борьке сил. Он почти не пьянел, тогда как Олежка уже едва мог сидеть — на его губах вздувались слюнявые пузыри, а лицо покрылось багровыми пятнами. Но пока оставалась хотя бы одна стопка водки, его рука, слабея и уже плохо слушаясь, все-таки продолжала к ней тянуться.

Дальнейшие события, понятное дело, стерлись из Борькиной памяти. Он помнил лишь, что ему вдруг стало дурно и он вышел на кухню, где долго держал голову под холодной водой, а потом отправился на свежий воздух. Олежку он оставил лежащим на тахте; возле тахты на полу стояла початая бутылка водки, и Олежка, не поднимаясь, то и дело прикладывался к ней.

Как в тумане, Борька гулял по каким-то улицам, сидел в скверах — удивительно, как его не забрали в милицию. По всей видимости, он отсутствовал долго, потому

что, когда, слегка протрезвев, возвращался домой, кругом раскинулась густая ночь. В коммуналке было темно и тихо, лишь в Олежкиной комнате горел свет — там, на куче грязных пакетов, сжав в руке бутылку, лежал мертвый Олешка. Наверно, в первый и последний раз в своей бессмысленной жизни он не смог допить водку...

Закончил играть Стен Гетц. Протяжные и томительные звуки его саксофона еще некоторое время как будто кружились по комнате, потом стихли и они. Мы по-прежнему сидели с Борькой на диване, только теперь молча, — да и о чем было говорить после Борькиной исповеди?

Но молчание всегда кто-нибудь нарушает, и как только исчезла музыка, появились слова, их произносил Борька. Голос его теперь звучал иначе, чем когда мы слушали саксофон Стена Гетца, — громче и более отрывисто, нервно:

— Я предложил ему дуэль. Все было честно: только я и он и, как оружие, бутылка водки. Я пил с ним на равных и точно так же рисковал жизнью. А он просто не мог остановиться... От него никому не было житья — ни жене с дочкой, ни нам, ни соседям. Когда его не стало, все только вздохнули с облегчением. Он был мерзкий человек — подлый, трусливый, который никого и ничего не любил, кроме водки. Его единственная любовь его и сгубила. Он просто не мог остановиться. Не мог остановиться...

От Борьки я вышел опустошенный, словно внутри меня не осталось ничего живого. В подземку, с ее вечной толкотней и шумом, идти не хотелось, и я выбрал уединенную скамейку неподалеку от входа в метро. Сидел там довольно долго, курил и думал о том, что, в сущности, мне не в чем упрекнуть Борьку. Тем не менее я ловил себя на мысли, что стараюсь оправдать его поступок — перед самим собой, перед Олешкой, перед всяким человеком, проходящим мимо. Мысленно я ставил каждого из них на место Борьки и решал: вот этот куда-то спешащий парень с напряженным взглядом, вполне возможно, поступил бы точно так же, как Борька, а вон тот пожилой мужчина с тихим лицом, который остановился возле афишной тумбы и что-то неторопливо читал, вряд ли был бы способен...

— Бутылочку не имеете? — прервал мои размышления робкий голос. Рядом со мной стояло неопределенного возраста существо: вонючие лохмотья, испитое и сморщенное лицо, щетина, синяк под глазом.

Бомж смотрел на меня умоляющими глазами, руки и голова его мелко тряслись; ничего, кроме чувства брезгливости, он не вызывал. Я ответил, что у меня нет бутылок, и он, прошамавав что-то своими разбитыми губами, попятился назад, однако далеко не отошел, а начал рыться в расположенных поблизости урнах. Без интереса я наблюдал за его возней, как вдруг на противоположной стороне улицы заметил Борьку. Он шел быстрым шагом, не оглядываясь по сторонам и мотая взад-вперед большой продуктовой сумкой. Вероятно, он забыл купить какие-то продукты и теперь направлялся в универсам на ближайшем перекрестке. Долгим взглядом я проводил его, и, наверное, потому, что я одновременно видел Борьку и копающегося в урне бомжа, из всего многообразия мыслей и слов во мне зазвучало лишь одно — убийца... И как я ни старался помыслить иначе — мой старый товарищ, бывший коллега, человек, с которым мы вместе так много хлебнули, тонкий ценитель музыки и, безусловно, добрая душа, — это слово вновь и вновь вырывалось наружу — убийца, убийца...

Я встал и пошел в сторону метро. Проходя мимо бомжа, я сунул в его трясущуюся ладонь деньги.